ПАРШИВОЕ СЕМЯ

АЛЕКСАНДР ГАВРИЛОВ

Александр Гаврилов

Паршивое семя

«Автор»
2026

Гаврилов А. А.

Паршивое семя / А. А. Гаврилов — «Автор», 2026

Поездка, которая должна была стать данью памяти, превращается в кошмар наяву. Молодая девушка Катя отправляется в глухое, отрезанное от мира поселение, чтобы проводить в последний путь дедушку. Но вместо скорби её ждет пустота: девушка бесследно исчезает, не оставив ни единого шанса на связь.Марина, её верная подруга, не может поверить в случайность. Охваченная предчувствием беды, она бросает всё и отправляется на поиски. Но чем глубже Марина погружается в тихую жизнь этого странного места, тем сильнее её пробирает липкий ужас.

© Гаврилов А. А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 6
Глава 1 8
Глава 2 10
Глава 3 12
Глава 4 14
Глава 5 16
Глава 6 17
Глава 7 19
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Паршивое семя

Пролог

Сумеречный лес окутывал мрачный полупрозрачный туман, словно охраняя его тайны и тишину. Эта зыбкая завеса казалась живой, пока ее не нарушил резкий хруст сухих ветвей. Из-за высокого дерева, словно тень, появилась молодая беременная девушка. Ее худощавое тело было облачено в старые, почти истлевшие лохмотья, которые едва прикрывали кожу. Ноги девушки были обнажены, покрыты царапинами и пятнами грязи. Она бежала, спотыкаясь, срываясь на громкий, отчаянный плач, который эхом разносился в глухой лесной чаще. Черные, спутанные волосы девушки каскадом падали на плечи, перепачканные грязью и застоялой водой, будто она только что выбралась из болота. Ее руки дрожали, пальцы судорожно хватались за ветви деревьев, чтобы удержать равновесие. Каждый шаг босыми ногами по острым сухим веткам и шершавым опавшим листьям приносил ей мучительную боль. Иногда ей приходилось перелезать через поваленные деревья, их стволы были покрыты толстым слоем мха и плесени, источавшим затхлый запах. Она старалась двигаться осторожно, но резкая боль в животе заставляла ее останавливаться, хвататься за бок и рыдать с новой силой. Ее лицо было искажено гримасой страдания, глаза блестели от слез, а дыхание становилось прерывистым и тяжелым. Девушка явно от кого-то убегала, ее страх был почти осязаемым. Внезапно она оглянулась через плечо, словно ожидая увидеть преследователя, но вокруг были только тени деревьев и зловещая тишина. Лес, казалось, сам становился ее врагом, преграждая путь и загоняя в ловушку. Но вот раздался очередной треск ветвей, словно кто-то с силой ломал их, и зашуршали листья, будто по ним пронёсся стремительный вихрь. Девушка вздрогнула, остановившись на мгновение, чтобы прислушаться. Её сердце стучало так громко, что казалось, оно заглушает всё вокруг. И тогда она услышала голос. Этот голос, который звучал в её ушах слишком часто, будто преследовал её даже во снах. Голос был низким, хриплым, и в каждом его слове сквозила угроза. Он был пропитан ужасом, словно сам страх ожил и заговорил. Девушка не выдержала — её нервное напряжение вылилось в истерический смех, который она никак не могла остановить. Но смех не замедлял её движения. Она продолжала бежать, несмотря на боль, которая разрывала её тело. Её живот, огромный и тяжёлый, мешал двигаться быстро, каждый шаг отдавался тупой болью. Казалось, он вот-вот мог лопнуть, выпуская на свободу окровавленного младенца, который был её проклятием.

Девушка была готова сдаться. Мысли о побеге от всего, что окружало её, стали невыносимо навязчивыми и жуткими. Она едва могла дышать от тяжести, которую несла внутри себя. Её шаги становились всё более неуверенными, а дыхание — прерывистым. Каждое препятствие на пути казалось ей испытанием, которое она должна была преодолеть. И вот, когда она перелезала через поваленное дерево, её нога внезапно соскользнула, и она, потеряв равновесие, кубарем скатилась на дно глубокого оврага. Земля приняла её тяжело, жестко. Девушка упала на спину, но боль, резкая и тупая, мгновенно отозвалась в её животе. Она закричала, схватившись за живот, словно пыталась удержать то, что уже было вне её контроля. Из-под грязной и местами рваной белой одежды потекла кровь, алыми струйками окрашивая грязь под ней. Девушка смотрела на неё, не веря своим глазам. Запах крови, густой и металлический, ударил ей в нос, вызывая приступ паники. Её руки дрожали, а дыхание сбивалось, превращаясь в хриплый звук. Она была на грани безумия, её разум метался между страхом и отчаянием. Стоило ей немного приподняться, как она заметила движение. Темный силуэт, неясный и пугающий, вынырнул из тумана, медленно приближаясь к ней. Сердце девушки застучало в груди, словно барабан, заглушая всё вокруг. Её тело, измученное и ослабевшее, едва слушалось. Она, опираясь руками и ногами о грязную землю, утопая в луже с гниющими листьями, начала отползать назад. Но каждый её рывок был бесполезным — фигура всё равно приближалась, неумолимо и угрожающе. Девушка жалобно умоляла: её голос дрожал, слова путались.

Она просила не трогать её, молила оставить её в покое. «Я не хочу. Я не буду больше убегать. Отпустите меня», — рыдала она, слёзы текли по её лицу, смешиваясь с грязью. Но её мольбы растворялись в окружающем тумане, как будто никто не слышал, никто не мог помочь.

Силуэт приближался к ней медленно, словно наслаждаясь каждым шагом. Его тяжелые ботинки оставляли глубокие следы в сырой земле, а глухое эхо дыхания, похожего на звериное рычание, раздавалось в тишине оврага. Девушка чувствовала, как страх сковывает ее тело, но она продолжала двигаться вперед, надеясь на спасение. Когда она добралась до конца оврага и попыталась вскарабкаться наверх, ее руки судорожно хватались за скользкую землю и корни деревьев, торчащие из стен оврага. Она была уже у самой кромки, когда внезапно почувствовала холодное прикосновение рук, которые, словно железные тиски, схватили ее ноги. Сердце бешено застучало, а адреналин заполнил каждую клетку ее тела. Она отчаянно вцепилась в толстый корень, торчавший из земли, пытаясь удержаться, но силы постепенно покидали ее. Ее крик, полный ужаса и отчаяния, разрывал ночную тишину, но никто не мог услышать его в этом заброшенном месте. Руки девушки дрожали, напрягаясь до боли, пока в какой-то момент пальцы не соскользнули, и она почувствовала, как ее тело падает вниз. Преследователь, словно тень, утащил ее на дно оврага, а ее крик затих, растворившись в темноте.

Глава 1

Марина проснулась от протяжного гудка, который означал, что поезд достиг конечной станции. Она медленно поднялась с жесткой кушетки, потянулся, чтобы размять затекшие мышцы, и взяла свой рюкзак, который уже потерял былой блеск. Проходя вдоль узкого коридора вагона, Марина мельком взглянул на пассажиров, большинство из которых уже покинули свои места. Выйдя из поезда, она оказалась на пустом перроне. Станция выглядела заброшенной: облупившаяся краска на стенах, ржавые металлические конструкции и сломанные фонари, которые когда-то освещали платформу. На перроне было всего несколько человек — старики и старушки, сидевшие на потрескавшихся деревянных лавках. Рядом с ними стояли корзины с домашними заготовками: банки варенья, свежие овощи, а также сочные дыни и арбузы, аккуратно сложенные на газетах. Марина прошлась вдоль платформы, внимательно осматривая товар. Ее взгляд остановился на старушке с добродушным лицом, которая предлагала банку густого абрикосового варенья. Марина уже собиралась достать деньги, как вдруг небо потемнело, и прогремел оглушительный гром. Через секунду начался сильный ливень. Марина, не успела достать зонт из, прикрыл голову рюкзаком и поспешил спрятаться под старым металлическим навесом, который едва защищал от воды. Вокзал, находившийся неподалеку, оказался запертым. Судя по заросшим травой ступеням и заколоченным окнам, он давно не функционировал. Напоминал склеп. Причина приезда Марины была далеко не радостной. Несколько дней назад ее лучшая подруга, которая для Марины была едва ли не сестрой, перестала выходить на связь. Три дня назад она уехала в это глухое места, в поселение, где жил ее дед, единственный опекун после смерти отца и матери. Подругу звали Катя. Она получила письмо, в котором сообщалось о смерти дедушки. В завещании старик оставил Марине свой дом и небольшой участок земли. Для большинства подобный подарок мог бы стать поводом для радости, но Марина чувствовала лишь разочарование. Городская жизнь полностью устраивала ее, и перспектива переезда в деревню казалась ей мрачной. К тому же дом можно было продать. Деньги были крайне нужны: работа в кафе приносила скудный заработок, и Катя часто не знала, хватит ли денег на еду завтра. И вот Марина решила самостоятельно приехать в поселение, чтобы найти подругу. Обращаться к стражам правопорядка было бесполезно. Всё закончилось бы отписками, а если бы кто-то взялся за поиски, то только по истечении двух суток. Но Марина не могла ждать так долго. В любой момент ее подруга могла исчезнуть навсегда.

Когда дождь закончился, Марина с чувством раздражения недовольно посмотрела на затянутое черными тучами небо и скривила лицо. Капли воды стекали с веток деревьев, оставляя мокрые следы на асфальте, а лужи отражали мрачное небо, словно кривое зеркало. Марина ненавидела дождь и грязь, которую он после себя оставлял, но поделать ничего не могла и продолжила путь, осторожно обходя самые большие лужи. Ее ботинки уже успели промокнуть, а холодный ветер пробирался под куртку, заставляя ежиться. До поселения оставалось немного, и Марина ускорила шаг, надеясь поскорее добраться до незнакомого места. Это поселение, по словам подруги, было маленьким и тихим, в большинстве своем состояло из одноэтажных частных домов с облупившейся краской, старой школы, больницы с серыми стенами и нескольких культурных построек, которые давно потеряли былую яркость. Здесь прошло детство Кати, но она уехала отсюда рано, почти сразу после окончания школы. Причин было много, но самой главной была атмосфера и люди, которые жили в этом городке. Мрачные серые будни, словно заезженная пластинка, повторялись раз за разом, лишая жизни всякой новизны и краски. Марина вспомнила, как Катя много говорила о детстве. Она часто сидела на крыльце дедушкиного дома, наблюдая за тем, как соседи бесконечно занимаются своими привычными делами. Кто-то чинил забор, кто-то подметал двор, а кто-то просто сидел на лавочке и смотрел в пустоту. Это место всегда казалось Кате застывшим в одном моменте, как будто

время здесь двигалось медленнее, чем в остальном мире. И сейчас, возвращаясь сюда, она вдруг поняла, что ничего не изменилось. Всё осталось на своих местах. Даже памятники основателям городка не сдвинулись ни на миллиметр, словно время не властно над ними. Однако их состояние заметно ухудшилось: мрамор потускнел, а на поверхности появились глубокие трещины и многочисленные сколы. Казалось, что за памятниками давно никто не ухаживал — трава вокруг выросла густой и беспорядочной.

Марина мечтала поскорее добраться до дома старика, чтобы отдохнуть после долгой и изнурительной поездки. Дорога выдалась тяжелой и однообразной: серое небо нависало над головой, бескрайние поля тянулись до самого горизонта, а редкие деревни, мелькавшие за окном, казались заброшенными и безжизненными. Шум мотора и легкое покачивание машины убаюкивали, но внутреннее беспокойство не давало ей расслабиться. Однако прежде чем она могла вернуться домой и почувствовать долгожданное облегчение, ей предстояло пройти около километра по пересеченной местности. Тропа была сложной, с крутыми подъемами и скользкими участками, поросшими мхом. Ветер обжигал лицо, а запах сырой земли и увядающих листьев наполнял воздух. Мысль, что с Катей могло случиться что-то плохое, не отпускала Марину, вызывая неприятное чувство тяжести в груди. Она то и дело вспоминала их последний разговор, пытаясь найти в нем подсказки, которые могли бы объяснить, где сейчас находится подруга. Катя была не просто подругой — она была для Марины почти как сестра. Их связывали годы доверия, общие тайны и пережитые вместе трудности. Оставить Катю в беде было для Марины немыслимо. Несмотря на усталость, она понимала, что обязана найти подругу, даже если это потребует от нее всех оставшихся сил.

В такие моменты, несмотря на отвратительную погоду, дальнюю дорогу и усталость после работы, Марина просто не могла не отреагировать на отсутствие лучшей подруги. Катя была для нее словно младшая сестра, которую она поклялась оберегать и поддерживать, что бы ни случилось. У Кати не было родителей, которые могли бы защитить ее или дать совет. Других ближайших родственников не было, кроме дедушки, который уже давно был немощным и нуждался в уходе. Родители Кати погибли в автомобильной катастрофе, когда ей было всего шесть лет, оставив девочку на попечение бабушки и дедушки. Однако бабушка умерла незадолго до этих трагических событий, и жизнь подруги сложилась крайне тяжело. Марина всегда чувствовала ответственность за Катю и стремилась быть для нее опорой, заменяя ту семью, которую она потеряла

Глава 2

Путь от железнодорожного вокзала до поселения был неблизким и пролегал по узкой проселочной дороге, обрамленной густыми посадками и пустующими полями. На этих полях уже давно не росла ни пшеница, ни кукуруза, ни подсолнухи. Земля выглядела мертвой, словно отравленной, как будто сама природа отвернулась от этого места, лишив его возможности возродиться. Всё вокруг дышало какой-то зловещей тишиной, напоминая о проклятии, которое будто бы висело над этой землей. Даже ветер, обычно шуршащий в листве, здесь казался угрюмым и тяжелым. Над головой не светило палящее солнце. Осень уже вступила в свои права, но в этих местах погода часто задерживалась, словно не желала подчиняться смене сезонов. Солнце могло греть до самого октября, создавая иллюзию затянувшегося лета. Однако сегодня небо было затянуто грязными, свинцовыми тучами, которые нависали низко, угрожающе, будто готовы были обрушиться на землю. Марина, предчувствуя такую погоду, не пожалела, что взяла с собой небольшой складной зонтик и тонкий черный дождевик. Эти вещи могли показаться незначительными, но в такой обстановке они были её единственной защитой от сырости и холода. В руках у Марины была карта этих мест, выцветшая и потрепанная временем. Детали на ней казались скудными и расплывчатыми, особенно в тех местах, где должно было находиться поселение. Казалось, что карту не обновляли с момента её создания, как будто само поселение было забыто временем. На карте не было указано ни новых дорог, ни изменений рельефа, что делало её больше символическим ориентиром, чем реальным помощником. Марина чувствовала себя словно в забытом богом уголке мира, где всё существовало на грани между реальностью и вымыслом. Её шаги глухо звучали по влажной земле, а вокруг стояла непривычная тишина, нарушаемая редкими криками птиц, которые, казалось, тоже избегали этого места. Марина пыталась не поддаваться нарастающему чувству тревоги, сосредоточившись на дороге впереди. Она знала, что впереди её ждёт нечто неизвестное. Но в то же время не могла избавиться от ощущения, что это место хранит в себе какую-то мрачную тайну.

Внезапно среди деревьев послышался тяжелый треск, словно кто-то с усилием ломал сухие ветки. Марина дернулась, остановилась и замерла, напряженно вслушиваясь в доносящийся шум. Сердце забилось чаще, а ладони невольно сжались в кулаки. Она повернула голову в сторону звука, пытаясь разглядеть хоть какие-то движения среди густой листвы. Марина знала, что из кустов вполне могло показаться травоядное животное, возможно, олень или косуля, но мысль, что это может быть хищник, заставляла её внутренне напрягаться. Надежды на безобидное объяснение происходящего утешали лишь частично, ведь из густой посадки могло показаться всё что угодно. Треск веток продолжал звучать, становясь то громче, то тише, но среди деревьев по-прежнему никого не было видно. Марина пыталась сохранять спокойствие, но её воображение рисовало пугающие картины: огромный медведь, волк или даже что-то более опасное. Время будто остановилось, пока она стояла, напряжённо вслушиваясь в каждый шорох. Затем звук начал удаляться, становясь всё более приглушённым. Марина выдохнула, почувствовав, как напряжение постепенно отпускает её. Она поспешила как можно скорее покинуть это место, стараясь двигаться быстро, но тихо. Её шаги становились всё увереннее, когда вдали, на горизонте, показались столбы дыма. Видимо, это были растапливаемые печи, и мысль о людях, находящихся неподалёку, принесла ей некоторое облегчение.

Подруга Марины часто рассказывала о поселении, в котором жил ее дедушка. Это было место, где жизнь текла размеренно и спокойно, где каждый день начинался с аромата свежего хлеба, испеченного заботливыми руками местных жителей. Она говорила о приятных людях, которые всегда были готовы прийти на помощь, об их добродушии и искренних улыбках, способных согреть даже в самый холодный день. О бескрайних полях пшеницы и кукурузы, которые, казалось, простирались до самого горизонта. О свежем воздухе, напоенном аро-

матами трав и цветов, и о яркой зелени на улице, которая словно оживала под лучами утреннего солнца. В голове Марины это выглядело еще прекрасней, как будто она сама была там, чувствовала тепло солнца на своей коже и слышала шелест ветра в густых деревьях. Она мечтала о том, чтобы жить или хотя бы иметь маленький домик в таком месте, где можно было бы убежать от городской суеты, от бесконечного шума машин и хаоса. Ей хотелось иногда выбираться в деревенскую глушь, на свежий воздух, купаться в речке с прозрачной водой, отдыхать в тени среди зеленых деревьев, слушая пение птиц и наслаждаясь тишиной. Такая жизнь, по мнению Марины, была подобна сказке, где каждый день приносил радость и умиротворение. Однако сейчас место, которое она представляла себе, словно переменилось. В ее воображении вместо яркого солнца и зелени появился легкий туман, серое грязное небо, поникшие деревья, листва на которых опадала, оставляя ветви голыми и одинокими. Поля, которые раньше казались бескрайними и золотыми, теперь выглядели унылыми и заброшенными. Казалось, что время и какая-то невидимая сила изменили это волшебное место, превратив его в отражение грусти и одиночества.

Когда Марина почти достигла поселения, перед ней предстала не самая приятная картина. Высокий деревянный забор с колючей проволокой обрамлял весь периметр, словно предупреждая о недоброжелательности или необходимости защиты. Железные ворота, раскрытые настежь, выглядели так, будто их давно никто не закрывал: ржавчина покрывала их поверхность, а створки были покосившимися, словно под натиском времени или частого использования. Вдалеке виднелись кирпичные дома с шиферными крышами, которые местами выглядели потрепанными, с потускневшими краями. Печные трубы, возвышаясь над крышами, выбрасывали бледный дым, который лениво растворялся в прохладном воздухе. Пахло свежей выпечкой, запах которой смешивался с резким ароматом сырой рыбы, создавая странное сочетание. От него хотелось задержать дыхание. Марина осторожно вошла в поселение, чувствуя на себе взгляды нескольких местных жителей, которые стояли неподалёку. С этого момента она стала полноправным гостем, хотя ощущение настороженности не покидало её.

Глава 3

Первым делом Марина собиралась посетить дом старика, где, как она предполагала, могла задержаться Катя. Последние события явно не прошли бесследно, и Марина понимала, что подруга могла быть не в настроении возвращаться домой раньше. Возможно, Катя просто нуждалась в уединении, чтобы прийти в себя, успокоить эмоции и привести мысли в порядок. Дом старика, с его старинной мебелью, уютным камином и тихим садом, казался идеальным местом для этого. Марина вспоминала, как сама не раз находила там покой в трудные минуты. К тому же, Катю ждала важная задача — разобраться с завещанием старика, наследство которого могло существенно изменить её жизнь. Это дело требовало сосредоточенности, внимательности и терпения, ведь каждая деталь документа могла оказаться значимой. Марина знала, что старик был человеком обстоятельным, и его завещание наверняка содержало скрытые нюансы, которые нельзя было упускать из виду. Возможно, именно поэтому Катя решила остаться в доме дольше, чтобы изучить всё в спокойной обстановке. Марина также размышляла, что завещание могло не только изменить финансовое положение Кати, но и поставить её перед сложным выбором. Старик был известен своей любовью к загадкам и символам, и его последняя воля могла оказаться не просто юридическим документом, а своеобразным посланием, требующим разгадки. Это добавляло ситуации элемент напряжённости и интриги. Марина чувствовала, что её подруга нуждается в поддержке, и была готова помочь ей справиться с этим испытанием, если потребуется. И всё же, несмотря на свои предположения, Марина не могла избавиться от лёгкой тревоги. Её беспокоило, что Катя могла попасть в беду. Возможно она заболела или что похуже. С каждым шагом к дому старика беспокойство Марины усиливалось, но она старалась сохранять спокойствие и готовилась к разговору, который, возможно, потребует от неё не только слов утешения, но и практических советов.

Поскольку в поселении не было общественного транспорта, Марине пришлось добираться до дома старика пешком. Дорога оказалась долгой и непривычной, заставляя её то и дело оглядываться по сторонам, чтобы не сбиться с пути. На каждом шагу она замечала незнакомые здания и места, каждое из которых пробуждало в ней неприятные мысли и смутные воспоминания. Временами ей казалось, что за ней кто-то наблюдает, но, обернувшись, она видела лишь пустынные улицы и тени, отбрасываемые деревьями. Особо выделялся двухэтажный кирпичный дом, который она заметила на одной из улиц. Его арочные узкие окна напоминали глазницы, пристально следящие за каждым прохожим. Невысокий железный кованый забор, украшенный витиеватыми узорами, казался одновременно хрупким и неприступным, словно охранял какую-то тайну. Широкая деревянная дверь, покрытая потемневшим лаком, выглядела так, будто её не открывали уже много лет. На дверной ручке висел старый замок, который был слегка заржавевшим, но всё ещё внушал ощущение надёжности. Этот дом притягивал взгляд своим мрачным, но загадочным видом. Его стены были покрыты трещинами, которые, казалось, образовывали причудливые узоры, скрывающие послания прошлого. Крыша дома была увенчана небольшим шпилем, который выглядел как одинокий сторож, наблюдающий за поселением. Вокруг дома росли высокие кусты, чьи ветви переплетались так густо, что порой напоминали живую изгородь. Этот дом не был похож на остальные здания поселения, выделяясь своей архитектурой и атмосферой. Он служил своеобразным ориентиром, по которому можно было понять, в какой части поселения ты находишься. Марина невольно замедлила шаг, проходя мимо него, чувствуя, как холодный ветер усиливает её внутреннее беспокойство. Ей казалось, что дом хранит в себе некую тайну, которую никто не осмеливался разгадать.

Отдаляясь от дома, Марина засматривалась на высокие каштаны, которые росли практически у каждого дома. Их ветви, словно тонкие руки, тянулись к небу, но были почти полностью лишены листвы, оставляя лишь редкие, дрожащие на ветру остатки зелени. Под каждым дере-

вом лежали сухие листья, образуя хрустящий ковер, который слегка шуршал под ногами прохожих. Их массивные стволы поднимались, словно колонны древнего храма, а мощные корни, пробиваясь через трещины в асфальте, напоминали когти, готовые схватить его и разорвать. Марина не могла не заметить, как эти деревья, казалось, дышали своей древней жизнью, будто храня в себе тайны прошлого. Из окон домов, мимо которых проходила Марина, на нее пристально смотрели местные жители. Их лица, будто высеченные из камня, оставались неподвижными и безэмоциональными, как статуи, наблюдающие за миром из своей вечной тишины. Иногда она замечала, как кто-то слегка отодвигал занавеску, чтобы лучше рассмотреть ее, и это движение, хоть и едва уловимое, вызывало у нее странное чувство тревоги. Казалось, что за каждым окном скрывается тайна, а взгляды, направленные на нее, были не просто любопытством, но чем-то более глубоким, почти осуждающим. Марина чувствовала, как холодок пробегал по спине, словно невидимая рука коснулась ее плеча. Ей казалось, что она ступила на территорию, которая жила по своим законам, где каждый шаг был под пристальным наблюдением. Стараясь не выдавать своего волнения, она ускорила шаг, но каждый звук — шорох листьев, скрип ветвей, даже собственные шаги — казался ей громким и тревожным. Воздух вокруг был пропитан осенней сыростью, смешанной с чем-то неуловимым, почти мистическим, заставляя ее оглядываться и прислушиваться к каждому движению.

Глава 4

Дом старика был большим, несмотря на единственный этаж, и держался неплохо для своего возраста. Но время оставило отпечатки: потемневший кирпич местами порос мхом, крыльцо с облупившейся краской прогибалось под порывами ветра, а шиферная крыша, заваленная сухими листьями с огромной яблони, висела над домом, как старая шляпа, потерявшая форму. Ржавчина на железных воротах не просто покрывала металл — она пожирала его, медленно, как голодная тварь. На ветру все железные части стонали: скрип ворот, дребезжание рам, шатание флюгера сливались в хаотичную мелодию — протест дома, не желавшего пускать чужаков.

Марина невольно задержала взгляд на яблоне: её ветви тянулись к дому, будто защищали его, а несколько яблок всё ещё держались на ветках — упрямые огоньки, бросившие вызов времени. На секунду внутри шевельнулась такая же упрямая надежда: Катя здесь, всё в порядке. Но холодный ветер тут же сдул её, прихватив с собой и остатки уверенности. Марина плотнее запахнула куртку, чувствуя, как по спине пробежал неприятный холодок — не от ветра, а от самого места, будто оно знало, что она пришла зря, и заранее насмехалось над её надеждой.

Отперев скрипучую дверь, она крикнула имя подруги. Тишина ответила эхом — гулким, пустым, будто дом не просто молчал, а старательно выталкивал любой звук наружу, не желая удерживать в себе даже голос. Коридор встретил холодом и запахом сырости и старой древесины; толстый слой пыли хранил отпечатки давно прошедших дождей. Казалось, что пыль здесь не оседала, а нарастала, слой за слоем, как память о годах, когда дом оставался один. Марина подобрала рюкзак и прошла в гостиную.

Здесь время остановилось: высокий шкаф с приоткрытыми дверцами, за которым пылились книги и потрескавшиеся статуэтки; диван с продавленными подушками; кресло с порванной обивкой. На подлокотнике лежала забытая пожелтевшая газета — Марина запомнила её, зачем-то запомнила: заголовок стёрся, но остались жирные чёрные буквы, похожие на кляксы. Она провела пальцем по бумаге — та рассыпалась в труху, словно сама пыталась исчезнуть, стереть своё существование. В центре комнаты стоял деревянный стол, а на выцветшем персидском ковре пролегли три длинные складки, придававшие пространству ощущение беспорядка, будто кто-то в спешке хватал край ковра и так и оставил его смятым.

Спальня оказалась ещё хуже. Кровать с продавленным матрасом, из которого выглядели ржавые пружины; накренившийся комод с застрявшим ящиком; шкаф со старыми книгами — у некоторых обгорели страницы. Рядом валялись обрывки бумаги и пустые бутылки с неразличимыми этикетками. Здесь не заходили годами. Марина присела на край кровати, и пружины отозвались жалобным скрипом, будто сами просили не тревожить их. Она потрогала матрас — он был сухим, но пах затхлостью и чем-то кисловатым, как будто дом медленно гнил изнутри.

Она обошла все комнаты, заглянула в каждый угол. Никого. Пыль лежала ровным слоем, и нигде не было ни следа, ни намёка на то, что здесь недавно кто-то ходил. Даже паутина висела так, будто её не тревожили годами. В какой-то момент Марина поймала себя на том, что прислушивается не к звукам, а к тишине, пытаясь уловить в ней хоть намёк на присутствие Кати — шорох, скрип, дыхание. Но дом был мёртв, и эта мёртвость давила сильнее любого крика.

В прихожей она остановилась перед зеркалом в потемневшей раме. Стекло покрывала тонкая плёнка пыли, и собственное отражение казалось размытым, чужим — будто она смотрела на кого-то другого, кто пришёл сюда по ошибке. На мгновение ей показалось, что за её плечом мелькнуло движение, но, обернувшись, она увидела лишь тень от рамы, пляшущую на стене. Сердце забилось быстрее, и Марина резко выдохнула, приказывая себе не поддаваться панике.

Вспомнив, что Катя часто ходила на кладбище, она решилась проверить и там. Набросив полупальто, она поспешно вышла из дома. Дверь захлопнулась за ней с тяжёлым стуком, словно отрезая путь назад. На крыльце Марина замерла, прислушиваясь к ветру, который теперь казался не просто шумом, а шёпотом, полным предостережений. Яблоня качнула ветвями, и одно из упрямых яблок сорвалось, глухо ударилось о доски и покатилось к краю крыльца, будто торопилось прочь из этого места.

Марина посмотрела на него, потом перевела взгляд на тропинку, терявшуюся в высокой траве. Кладбище было в стороне от деревни, за старыми сараями, и тропинка туда давно заросла. Но Катя любила это место — говорила, что там тихо и можно подумать, а ещё ей нравилось разглядывать старые надписи на камнях, будто они хранили чьи-то забытые истории. Марина вспомнила, как подруга однажды сказала: «Иногда кажется, что мёртвые знают больше живых». Тогда это прозвучало как странная шутка, а теперь слова отозвались внутри неприятным эхом.

Сжав кулаки, она шагнула вперёд. Трава цеплялась за ботинки, будто пыталась удержать, но Марина шла, не оглядываясь. Ветер трепал волосы, швырял в лицо сухие листья, а дом позади всё так же скрипел и стонал, провожая её, как нежеланную гостью. Где-то вдалеке прокричала ворона, и звук этот прозвучал не как обычный птичий крик, а как предупреждение. Но Марина не остановилась. Она должна была проверить. Должна была убедиться сама, а не гадать, не надеяться и не бояться.

Тропинка петляла между покосившимися заборами и зарослями крапивы, и с каждым шагом дом старика становился всё меньше, пока не превратился в тёмный силуэт, слившийся с серым небом. Впереди, за поворотом, уже проглядывали покосившиеся кресты и старые плиты — кладбище, которое Катя так любила. И где-то там, среди тишины и забытых имён, могла быть хоть какая-то подсказка, хоть намёк на то, куда исчезла подруга. Марина ускорила шаг, чувствуя, как внутри снова шевелится упрямая надежда — слабая, дрожащая, но всё ещё живая.

Глава 5

Путь был неблизкий, и Марина чувствовала себя потерянной, ведь она не знала, куда идти. Вокруг простирались бескрайние поля, поросшие высокой травой, которая колыхалась на ветру, словно волны зеленого океана. Вдали виднелись редкие деревья, их тонкие силуэты казались загадочными на фоне холмов, покрытых золотистым светом заходящего солнца. Внезапно ее взгляд зацепился за высокую крышу, на которой был закреплен деревянный крест, сияющий в последних лучах дня. Скорее всего, это была церковь, подумала Марина, почувствовав легкий прилив надежды, и направилась к ней, стараясь не сбиться с пути. Ей казалось, что неподалеку от церкви должно быть кладбище — место, которое она искала. Насколько ей было известно, в подобных поселениях кладбище всегда находится рядом с храмом. Стоило проверить. Пока она шла, ее мысли не давали покоя: что, если с подругой действительно случилось что-то ужасное? В доме она ее не нашла. Вместо этого, в спальне она обнаружила вещи подруги, разбросанные повсюду, будто кто-то в спешке искал что-то или произошла неожиданная беда. На полу валялась раскрытая книга, страницы которой были слегка измяты, а на столе стоял стакан с недопитым чаем, уже холодным. Эти детали заставляли Марину чувствовать тревогу, которая только усиливалась с каждым шагом к загадочной церкви.

Путь пролегал через узкие улочки между домиками, где старые фасады покрывались трещинами, словно следами времени, а окна украшали горшки с увядающими цветами, которые, казалось, давно забыли о солнечном свете. Марина осторожно ступала по выложенной камнем дорожке, стараясь не шуметь, словно боялась потревожить тишину, которая висела в воздухе, как густой туман. Её шаги звучали приглушённо, но всё равно казались слишком громкими в этом странно безмолвном месте. Она чувствовала, как за ней наблюдают — это ощущение становилось всё сильнее, почти осязаемым, как холодный ветер, пробирающийся под одежду и заставляющий вздрагивать. Каждый её шаг отдавался в сознании тревожным эхом, а взгляд постоянно метался из стороны в сторону, пытаясь уловить источник этого беспокойства. Несколько раз она замечала, как занавески в окнах приоткрывались, и оттуда показывались на мгновения лица людей — бледные, с настороженными глазами, словно они пытались что-то разглядеть, но тут же исчезали, будто боялись быть замеченными. Эти лица были как призраки, мелькающие в полутьме, их выражения — смесь любопытства и страха, словно они знали что-то, чего не знала Марина. Её руки невольно сжались в кулаки, а сердце забилось быстрее. От этого веяло холодом и опасностью, словно само место предупреждало её о чем-то. Ветер усилился, и она почувствовала, как он треплет её волосы, приносит с собой запах сырости и старого дерева, смешанный с чем-то едва уловимым, но неприятным и гадким. Марина остановилась на мгновение, чтобы перевести дыхание, но понимала, что времени на раздумья нет. Нужно было продолжать идти, несмотря на страх, который сжимал её грудь. Нужно было выяснить, где находится Катя и всё ли с ней в порядке. Она сделала шаг вперёд, чувствуя, как напряжение в воздухе становится почти невыносимым. Каждый дом, каждая трещина на фасаде, каждый взгляд из-за занавески будто кричали ей, что она здесь чужая, что её присутствие нарушает какую-то невидимую границу.

Глава 6

До кладбища Марина добралась уже в сумерках. Там не было ни души. Между могилами тянулись длинные тени, будто кто-то нарочно растянул их по земле, чтобы скрыть лишнее; ветер шевелил верхушки деревьев, и только ворона время от времени нарушала тишину коротким хриплым криком — словно проверяла, остался ли тут хоть кто-то живой.

Марина остановилась у входа и огляделась. С дороги кладбище казалось небольшим, почти уютным, каким-то даже будничным, но внутри ряды надгробий уходили дальше, чем она ожидала, теряясь в сгущающейся темноте. Некоторые плиты накренились, будто устали стоять прямо, другие почти скрылись под травой и мхом, сливаясь с землёй, будто хотели окончательно исчезнуть. Она пошла по главной аллее, медленно вглядываясь в стёртые надписи. Камни были похожи один на другой: серые, сырые, потемневшие от времени. Имена расплывались, буквы осыпались, даты почти невозможно было разобрать — будто само место стирало память о тех, кто здесь лежал. Марина наклонялась к каждому камню, водила пальцем по выбоинам, надеясь уловить очертания букв, но чаще всего под рукой оставалась только холодная крошка.

Найти могилу старика без имени казалось бессмысленным занятием. Марина не знала, когда его похоронили, кто мог проводить его в последний путь и где именно искать. Она всё же свернула между могилами, надеясь наткнуться на свежую землю или венок, который подсказал бы нужное место. Но под ногами хлюпала только влажная трава, а редкие цветы на старых могилах давно поблекли, их лепестки слиплись и потемнели, как засохшая кровь. В какой-то момент Марина поймала себя на том, что ищет не просто следы, а хоть какой-то знак, хоть намёк на то, что Катя здесь была. Ей хотелось увидеть смятую травинку, сломанную веточку, отпечаток ботинка — что угодно, что подтвердило бы: подруга приходила сюда. Но кладбище хранило свою тишину и не собиралось выдавать чужих секретов.

В конце аллеи показалась церковь. Её тяжёлые двери потемнели от сырости, зато резьба на них ещё сохраняла чёткие линии — словно кто-то совсем недавно протирал их тряпкой, стараясь удержать остатки красоты. Марина задержалась у входа и прислушалась. Изнутри не доносилось ни голосов, ни шагов — только едва различимый скрип, словно кто-то двигал мебель или медленно переставлял что-то тяжёлое. На мгновение ей показалось, что за дверью кто-то затаился и ждёт, когда она уйдёт. Но потом скрип повторился — ровный, бытовой, без угрозы, — и Марина решила, что это просто старый дом вздыхает от ветра. Она толкнула одну створку.

Внутри было тихо и прохладно. Пахло воском, ладаном и старым деревом — запах был одновременно привычным и чужим, будто принадлежал не этому месту, а какому-то далёкому воспоминанию. За узкими окнами сумерки окрасили витражи в тусклые синие и красные пятна, которые ложились на каменный пол и исчезали в глубине помещения, словно капли крови, впитавшиеся в камень. У стены пожилой священник убирал подсвечник. Услышав скрип двери, он обернулся и посмотрел на Марину с лёгким удивлением, будто не ожидал увидеть здесь кого-то, кроме себя.

Она объяснила, что ищет подругу, и рассказала о старике, которого недавно похоронили на местном кладбище. Марина спросила, помнит ли священник, кто присутствовал на похоронах. Тот подтвердил, что церемония действительно состоялась. Народу собралось немного, почти никто не хотел прощаться с человеком, которого в деревне все сторонились. Но среди пришедших была молодая девушка. Священник заметил её, потому что она держалась в стороне от остальных, стояла чуть поодаль, не глядя на могилу, будто смотрела куда-то сквозь неё. После службы девушка ушла, и больше он её не видел.

Марина попросила описать незнакомку. Священник признался, что запомнил лишь то, как она стояла поодаль, и не смог сказать ничего определённого о её внешности: ни цвета волос, ни роста, ни даже того, во что она была одета. Только эту странную отстранённость, словно она пришла не проститься, а убедиться в чём-то. Возможно, это была Катя. Но таких подробностей не хватало, чтобы быть уверенной.

Марина поблагодарила его и вышла из церкви. На крыльце она снова оглянулась на кладбище, пытаясь представить ту девушку среди редких участников похорон: неподвижную, отделённую от остальных, будто пришедшую не проститься, а проверить, действительно ли человек мёртв. Мысль была тревожной, почти пугающей, но зацепки у неё не было. Только слова священника — и ощущение, что ответ совсем близко, но снова ускользает, как тень, которая исчезает, стоит только протянуть руку.

Дождь начался внезапно, будто небо решило смыть с земли все лишние следы. Крупные капли застучали по ступеням, надгробиям и листьям, быстро темнеющим от влаги. Звук был резким, почти злым, и на секунду заглушил даже мысли. Марина раскрыла зонтик и направилась обратно к дому старика. По дороге она перебирала в памяти всё, что увидела и услышала: каждый наклон плиты, каждую стёртую букву, каждый тихий скрип в церкви, каждое слово священника. Девушка на похоронах могла быть Катей. А если нет, возможно, в доме оставалось что-то, что объяснило бы, куда подруга исчезла.

Дождь заглушал шаги, но не мысли. Капли стекали по зонту, собирались в ручьи и бежали по тропинке, смывая едва заметные следы. Марина ускорилась, осторожно обходя лужи и не сводя глаз с тропинки. До дома было недалеко, и всё же ей казалось, что она опаздывает — будто пока она бродила по кладбищу, в доме что-то изменилось, что-то важное могло исчезнуть, раствориться в сырости и темноте. Она не знала, что именно ждёт её там — новая подсказка или ещё одно разочарование. Но возвращаться всё равно нужно было. Именно в доме старика начинались вопросы, на которые пока никто не сумел ответить. И, возможно, именно там прятался единственный ключ ко всему, что происходило в этом проклятом месте.

Глава 7

Оказавшись в доме, Марина торопливо сняла промокшие плащ и шляпу, повесив их на крючок у входной двери, с которого уже свисал старый, выцветший шарф с распустившейся бахромой. Ботинки, покрытые грязью и липкими комьями мокрой земли после дождя, она заменила на потертые туфли, лежавшие в углу. Они были покрыты толстым слоем пыли, а их поверхность испещряли мелкие трещины, словно сеть старых морщин. Пройдя по скрипучему деревянному коридору, стены которого украшали блеклые обои с цветочным узором, Марина остановилась у большого овального зеркала в резной деревянной раме. Она машинально пригладила мокрые черные волосы, прилипшие к вискам, и заметила, как уставшие глаза отражают её внутреннюю тревогу. Затем она направилась на кухню, где включила старую газовую плиту с облупившейся краской, поставила чайник и достала из шкафа фарфоровую кружку с маленькой трещиной на краю, которая напоминала о давнем падении. Ей хотелось выпить крепкого черного кофе, чтобы согреться, привести мысли в порядок и хотя бы ненадолго забыть о холодной сырости, пробравшейся под кожу. На мгновение она задержала взгляд на окне, за которым ветер гнал по стеклу дождевые капли, создавая причудливые узоры, и вздохнула, ощущая, как одиночество снова охватывает её.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.